УДК 316.6 + 316.33

ФЕНОМЕН ЛЮБВИ В МЕНТАЛЬНОМ ОТРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Л. В. Шабанов[1, @1], Л. В. Сметанкина[2], С. В. Лычагина[3]

[1] Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
[2] Военная академия связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург)
[3] Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России
[@1] lev.shabanov@mail.ru

Целью представленной статьи стало рассмотрение современных концептов любви (в рамках социальной психологии отношений «Он и Она»), отражающих специфичность значимых подходов начала нового века. Авторы обращаются к феномену любви в жизни человека как к предметному исторически сложившемуся коллективному началу, которое трансформируется в новую архетипическую реальность через глобальные и социокультурные изменения обществ. Методом компаративного анализа, авторы попытались проследить динамику перемен ритма и образа жизни человека, отразившихся в рамках изменений социальных аспектов отношений к любви внутри коммуникативного пространства «мужского» и «женского» (обозначенного, как «Он и Она»), их сходства и различия. Результатом этого стал вывод о привнесении в архетипы, связанные с отношениями, новых тенденций, конверсирующих любовь как творчество и жертвенность, в консумацию внешних проявлений. Общая схема этого процесса выглядит как стремление к функциональной инфантилизации поколений, которая должна расширять временные borderlines (пограничные состояния) «рождение – смерть – возрождение» через архетипические темы «ребенок» и «герой», однако в результате индивидуации (нарциссизма) происходит *абъективация (потеря субъектности без перехода в состояние объекта)* и актуализация архетипической темы «героя-инвалида», компенсированного в образах «антилюбви».

Ключевые слова: любовь, индивидуация, социальная фасилитация, borderlines, абъективация, архетип.

Для цитирования: Шабанов Л. В., Сметанкина Л. В., Лычагина С. В. Феномен любви в ментальном отражении современного социального пространства // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 2. С. 146 – 150.

Одним из значимых феноменов человеческого, ценностным отношением человека к человеку и миру, является любовь как одна из значимых модальностей бытия. Вечная проблема любви в силу многоаспектности, сложности и важности для личности, равно как и проблема поиска смысла жизни, и самого бытия, входит не только в предметную область гуманитарной мысли современности, но является постоянной темой рефлексии многих ученых и литераторов.

В пространстве истории человека и современном «информационном обществе», тема любви как высшей точки межличностного общения, является не только центром философской мысли, но и центральным фактом, определяющим эстетику всей цивилизации.

Неопсихоаналитическая практика является персональным опытом отношений человека, хотя юнгианское понимание коллективного бессознательного позволяет нам улавливать и коллективные тенденции. Например юнговские размышления о четвертом (женском) начале, упущенном в христианстве, абсолютно точно предсказали наступление эры феминизма [8]. Высшая точка отношений, обозначенная неопсихоаналитиками XX в. как любовь, в различных её проявлениях влияет на всю жизнь человека (А. Адлер, К. Хорни, Э. Фромм).

Хотя вопросы, связанные с проблемой любви нашли отражение в трудах представителей различных исторических эпох, мы до сих пор не смогли вывести формулу любви или решить вопросы о соотношении духовного и телесного в отношениях. В числе великих работ, формирующих эстетическое множество любовных отношений можно выделить: «Пир» Платона, «О природе вещей» Т. Лукреция, «Об Эроте» Плутарха, «История моих бедствий» П. Абеляра, «Максимы и моральные размышления» Ф. Ларошфуко, «Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье» и «Этика» Б. Спинозы, Из письма Мальбраншу Г. В. Лейбница, «О духе законов» Ш. Монтескье, «Трактат о душе» и «Анти-Сенека, или Рассуждение о счастье» Ж. О. Ламетри, «О многоженстве и разводах» Д. Юма, «Метафизика нравов» И. Канта, «Система учения о нравственности согласно принципам наукоучения» И. Г. Фихте, «Любовь» К. С. Льюиса, «Смысл любви» В. Соловьева, «О любви» И. А. Ильина, «Смысл творчества» Н. А. Бердяева, «Дар любви» С. Н. Булгакова [10].

Наличествующий значительный арсенал накопленных гуманитарных знаний о понимании любви (древнегреческая «четверица» «эрос», «филия», «агапе», «сторге» [7, с. 406]) и выделяемая Платоном, любовь-мания, где любовь – «соединяюща и объемлюща», есть отправная точка для вычленения из коллективного бессознательного локуса любви (возможно, архетипа). Средневековая христианская каритативная любовь – «благотворна и преображающа» и, наряду с ней, «куртуазная любовь» – этична, сдержанно-самоотверженна (сравним например поиск Данте «Божественной комедии» и «Роман о Розе» Гийома де Лорриса и Жана де Мёна). Ренессанс привносит в культурное поле эгоистическую любовь («Декамерон» Боккаччо, «Шестиднев» Маргариты Наваррской, рассуждения о любви в контексте голода и пресыщенности у Ф. Рабле или в контексте потери себя и глупости у Эразма Роттердамского и С. Брандта) и одновременно – дает трактовку неоплатонической любви (в комментарии М. Фичино к «Пиру» Платона). На смену любви эпохи

Возрождения приходитаффективная любовь Нового времени (например у Р. Декарта и Б. Спинозы) – она субъективна и, в тоже время, социально чувствительна (Вольтер, Бомарше, Кувре); нравственная любовь немецкой классической философии; мистическая любовь романтизма, сменяемая «теорией родовой любви» и общим рационализмом (даже осуждением, например Теккерей, сестры Бронте, Дж. Остин). В конце XIX в. происходит слияние или подмена понятия «любовь» понятием «секс», а отношений – понятием «консумация».

Специализированные СМИ за 100 лет XX в. насчитали 9000 способов секса, но о любви в 1990-е гг. практически перестали упоминать (иногда всплывает некий намек об особом чувстве как самотерапии, но «само-» есть скорее нарциссизм, нежели полноценная любовь).

Общество с самых ранних лет приучает думать только о себе и никому не доверять, да и сам XX в., явил человечеству настолько странные, с точки зрения сообщества живых существ, образцы социальных структур, что, если бы не «молодежные революции» середины века, о столетии (1900 – 2000) можно было бы говорить, как о самом кровавом и пропитанным ненавистью и нетерпимостью времени во всей известной истории человечества. Впрочем, на протяжении XX в. научная мысль не только искала рецепты душевного спокойствия (психологические школы психодинамики), или возможности управления человеком (поведенческая психология), или пыталась оправдать его (гуманистические и экзистенциальные направления), но и рассматривала любовь как способ примирения человека со своим человеческим началом.

Чувственная и «земная» любовь, в XX в. отменившая все табу отношений человека и окружающего мира, свидетельствует о противоречивых представлениях и актуализирует необходимость осмысления феномена любви с учетом изменений, которые сегодня переживает технократическое общество и, соответственно, природа человека, в условиях явной девальвации былого значения этой, казалось бы, непреложной ценностной, аксиологической категории.

Начнем с имеющего место высокодуховного понимания любви, основанного на христианской парадигме мышления. Митрополит Антоний Сурожский в «Таинстве любви» отмечает, что «Любовь – удивительное чувство,… состояние всего существа. Любовь начинается в тот момент, когда я вижу перед собой человека и прозреваю его глубины, когда вдруг я вижу его сущность… [3, с. 5 – 6]. Сурожский выделяет три сопоставимые и взаимосвязанные стороны любви. Человек любящий – *дающий* (у Сурожского: «человек любящий дает, хочет давать»); человек *получающий* (у Сурожского: «в любви надо уметь получать») и человек *жертвующий* – третья сторона любви (у Сурожского: «жертвенность») [3, с. 32 – 33]. Иначе это не любовь, а очередное отражение культуры потребления и эгоизма. Любовь – это жизнь ради другого.

Занимаясь изучением межличностных отношений по роду своей деятельности, психотерапевт С. В. Петрушин уделяет проблеме любви особое внимание, считая, что отсутствие конвенциального понятия «любовь» порождает неясность, противоречивость и нереалистичность ожиданий между партнерами и, как следствие, кризисы семьи, увеличение уровня одиночества, невротизации, количества суицидальных попыток [5].

Через исследование приписываемого любви (мифы), Петрушин выявляет ее сущностные характеристики и определяет понятие «любовь» в узком смысле слова, как например симпатию, влюбленность, привязанность, увлеченность, невротические отношения. Ввиду широкого толкования понятия «любовь» он использует прижившееся как в отечественной, так и западной психологии понятие «аттракция» (от англ. attraction – притяжение, тяготение) – установка на другого человека [2].

В противовес этому, можно предложить видение сущности феномена любви Т. Смитом, отражающим концепцию романтической любви (чисто западный феномен) [12]. Романтическая любовь возможна при совместном желании влюбленных быть вместе, «пройти по жизни вместе …в манере, характерной для пар» [12, с. 69]. Знаковость в становлении романтической любви заключается именно в формировании *любящей пары*, так как есть пары никогда не любившие друг друга или не сохранившие любовь; влюбленные, но в силу обстоятельств не сформировавшие пары (как исторические Абеляр и Элоиза или литературные Ромео и Джульетта); любящие, чувства которых остались неразделенными (любовь Данте или Петрарки).

Отсекая сколь угодное количество необходимых и веских условий формирования романтической пары, Смит называет одно единственное условие – признание ближайшим окружением формы единства влюбленных, предполагающее полную свободу действий и в отношении друг друга (свобода вдвоем), и в самопроявлениях (собственная автономия), когда партнеры становятся объектом восхищения и подражания для окружающих. Никаких излишних обязательств, ничего, ведущего к ссорам, оскорблениям, и т. п. элементам давления, требуемых для достижения взаимного согласия или примирения. Любовь, по Смиту, берет свое начало с момента возникновения желания у обоих влюбленных стать «мы» и сохраняется, пока существует эта потребность взаимного единства.

Когда же речь идет о любви, речь – о состоянии «мы» как целостной, принудительной формы единства, подразумевающей стертость граней между личностями влюбленных (проникновенность), готовность решать возникающие проблемы вместе, жертвуя при этом благосостоянием, имиджем и значимыми чертами характера каждого из влюбленных (жертвенность), совместно реализовывать цели и задачи. Нет «мы», отвечающего критериям проникновения и жертвенности, – нет любви. Только обретение «мы», объединяющее личностные автономии, способно сохранить любящую пару перед лицом существующей реальности.

Возможно, общественная эстетика отстает от психологии социальных элементов общества, и любовь «взрослеет», оправдывая инфантилизм поколения 35 – 40-летних, которые например ещё 50 лет назад считались уже поколением зрелости и вершины карьеры. Сегодня эти рамки сдвинулись в сторону 45 – 50 летних, изменяя всю систему ценностей и факторы восприятия времени. – Тогда понятен пубертатный нарциссизм молодежи, давно сдвинувшей сроки тинейджерства (12 – 19 лет) как минимум к 30 годам.

Петрушин интерпретирует совпадение поведения другого человека с индивидуальной концепцией любви («миф о любви») как запуск механизма аттракции. Если представления людей о любви не совпадают, они ведут борьбу, отстаивая каждый свою концепцию любви как единственно верную, порождая «миф о любви», «вводя в рамки», «сажая в тюрьму», «существенно расширяя способность к любви», «постигая суть» [5, с. 112].

Проанализировав также ряд определений, данных В. Франклом (любовь – это принятие), И. Калинаускасом (любовь – снятие дистанции) и другими исследователями этого феномена, С. В. Петрушин делает вывод: «Любовь связана с верой. Когда говорят: «Я тебя люблю», не спрашивают: «Зачем?», а спрашивают: «Веришь?». Вера и любовь имеют много сходного.

Концепция любви сродни многовековому определению данному в Библии: «*Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, не превозносит себя, любовь не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает…*» [1]. Перед нами вновь восстает платонический мир, не нуждающейся в дополнениях, и не предполагающий их.

Однако Ф. Бэкон разделил «платонические» источники человека именно на источники вероятностных ошибок на пути правильного, объективного понимания объекта познания на четыре, тянущих костлявые руки из своих могил невежества, «призрака» (idola):

«*Призраки рода*», которые *лежат в самой природе человека*, его способностях к познанию и возможностях к понимаю.

«Хочется попробовать здесь, хочется попробовать там. Если чувствуешь, что спичка сгорела, любовь иссякла, меняй! Иначе это превратится в рутину, станет скучно, станет невероятно грустно ... От этого нужно избавляться»; «Если мы не можем переживать такие мощные эмоции, которые трудно не переживать, например, радость, то уже любовь, которая гораздо глубже, тоньше, до нее вообще очередь не доходит» [4].

«*Призраки пещеры*», которые суммируют *индивидуальные ошибки восприятия: и врожденные, и приобретённые*.

«Есть девушки, которые очень прекрасны, сами по себе, но когда они уже в быту, на земле, они превращаются в каких-то монстров… Мне хотелось бы каких-то таких отношений, которые не были бы завязаны на бытовой стороне жизни»; «Человеку свойственно пугаться одиночества, пугаться ненужности своей и человеку необходимо, чтобы он не чувствовал себя сиротой» [4].

«*Призраки площади (рынка)*», приобретенные вследствие общения и использования популярной моды, языка.

«Есть человек, который говорит: «Я тебя лю», и ему отвечают: «Я тебя не». «Очень суровая и жесткая реальность, к которой нужно приспособить вот это важное для человека чувство, чувство любови». «Плотный график. Съездить туда, работать здесь, вернуться, постоять в «пробках». На любовь остается мало времени»; «Работа становится на первое место, это интереснее, чем поиски девушки», «Держаться за руки не получается. Приходится жить на бегу, писать, хотя хотелось бы встретиться. Так получается нанолюбовь»; «Зашел на страницу, посмотрел какая музыка, фильмы, ролики, – так у вас есть общие интересы и уже не нужно тратить свой час или день для того, чтобы познать человека» [4].

«*Призраки театра*», предостерегающие человека от опасности стать «белой вороной», посмешищем.

«Если человек тебе нравится, то можно прислать ему валентинку, поцеловать его в щеку, можно купить ему велосипед, можно обнять его. У нас множество форматов для высказывания своего отношения. А в интернете только один лайк»; «Одна из особенностей сети – утрачивается разница между приватным и публичным. Человек так не устроен»; «Эмоции современного человека перегорели, он тихо тлеет. Современная культура не литературная, а визуальная. Вот эта визуальность пережигает эмоции. Мы больше переживаем по поводу сериала, чем по поводу близких людей» [4].

Получается, что библейская любовь, миф о любви и романтика не могут быть ни единой системой аттракции, ни встраиваться в систему социальной фасилитации, но при этом вполне имеют возможность сосуществовать в некоем архетипе, ибо, как говорил К. Г. Юнг, архетипов ровно столько, сколько типичных жизненных ситуаций [11, с. 76 – 77]. Происходит своеобразная конвергенция социальных объектов от нонконформизма к нарциссизму и дивергенция социальных объектов от хитрости (стремлению к выигрышу в отношениях) до молярного торжества поведения над сознанием (Толмен).

Поколение, воспитанное в условиях общества потребления с культом «пира во время чумы», являет нам образы архетипа «инвалида». Происходит *объективация*, в виде уже состоявшейся (возможно, не фатально) потери субъектности, но и незавершенного перехода в состояние объекта. «Инвалидность», в данном случае, не столько болезненное состояние, сколько гротескно искаженное нечто, что эпатирует и бросается в глаза как «не такое, как все».

Здесь, ввиду инфантилизации поколений, происходит смешение инвалида с архетипом ребенка. Хотя ребенок, подобно инвалиду, слаб и находится в подчиненном состоянии относительно взрослых, он, не имея сколько-нибудь значимых качеств, не обладает всеми правами и обязанностями взрослого, к которому стремится, как к неизбежной грядущей перспективе. Инвалид же ищет себя в другом – его идентификация связана со своеобразным «костылем», который способен в той или иной мере компенсировать врожденную или приобретенную неполноценность.

Казалось бы архетип инвалида предполагает, что неполноценность могла бы быть излечена другим существом, посредством любви, но архетип инвалида чаще всего имеет связующие нити с архетипом героя, идущего на сознательную жертву (Пиноккио должен стать настоящим мальчиком и умереть).

Иногда архетипические темы ребенок-герой-инвалид совпадают (преданный и расчлененный Осирис, лишенный гениталий, хитроумный коротконогий Одиссей, сын Гермеса и Афродиты Приап, не владеющий собой маг Мерлин, обезноженный богатырь Илья

Муромец), но с точки зрения любви, происходит явная ее утрата. Поэтому герой, бросая вызов судьбе, всегда знает, что он обречен: рано или поздно он либо вернется в физическое состояние инвалида (слепнет царь Эдип, остается без руки ас-воин Тюр, унижен и деинфляционен князь Игорь), либо погибнет (герой Трои Ахиллес, рыцарь Роланд, принц Гамлет, воин-монах Пересвет).

В последние годы в противовес «земных» архетипов, вместо титанического образа Прометея, Нарцисса, Сизифа, Эпиметея и Пандоры [9] окончательно формируется забытый в послевоенное десятилетие образ Аполлонического божества (Адам Кадмон, Ангел-Истребитель, Сверхчеловек Ницше).

Аполлон, с одной стороны, восходит к комплексу тинэйджера, здорового и красивого, полного сил и не знающего ущербности, поэтому и не чувствительного к боли окружающих. Он, который очень изменчив под ветрами моды, эпатажен, непредсказуем в своих поступках и поэтому не несущий ответственности за свою спонтанность. Аполлон, архетип нового уровня борьбы – борьбы Роя «многоликого», но действующего как одно единое целое постгуманистического трансперсонального обезличенного «общества обществ» против «общества людей».

Нынешнее поколение находится на стадии инициации в новое, возможно, не похожее относительно эстетики традиционности, общество. Происходит дифференциация себя от другого «детского» мира, это проход через легенду: Фэнтези – на Западе, СССР – в РФ, боги легенд на Востоке и в Латинской Америке, Растафари – в Африке. Страны и народы, целые цивилизации переживают borderline – пограничное состояние: «рождение – смерть – возрождение». Это движение сквозь сказку – волшебный мир фантазии и обыденного восприятия нереальности, которая описывает всю последующую жизнь, не просто не исключает путешествие по дороге индивидуации и конъюнкции, но подводит к «антилюбви» через столкновение с «Тенью».

Можно сказать, что в современном обществе, с его культом виртуальности, личность сталкивается с феноменом «Коллективной Тени» в виде появления новой социальной структуры в восприятии личности: Общество = Пространство ускользающих реальностей; Кибернический мир = виртуальность контактов и социального поведения.

Появляются новые стороны общения: боты, фирмы-зомби. – Силен охарактеризовал любовь как «субквантовую невероятность, что несет информацию от фотона к фотону…» [6]. Новая социальная топография: «мёртвые» пространства населённых пунктов, «другой мир» без «другого», другие поселенцы, которые при этом активны, актуальны и включены в коммуникацию («кликабельны»).

Из-за огромного количества сайтов знакомств и интернет-приложений люди перестают ценить другого человека как личность, легко заменяя одну симпатию на другую: «Она не первая и не последняя!» Нам кажется, что возможность выбирать – это здорово. Но, что касается онлайн-дейтингов, то это банальная игра, на которую стоит отметить, быстро подсаживаются даже умные и образованные люди.

Существует еще анекдот об осле, который бесконечно мучится, пытаясь сделать выбор, стоя перед двумя одинаковыми стогами сена. Теперь мы живем в мире с открытым доступом к множеству тех самых одинаковых стогов. Рынок, на котором продаются стога сена, расширяется, таким образом появляется необходимость проверять, нет ли на рынке нового лучшего товара.

Мало кто задумывается о том, что делая выбор, мы автоматически сами становимся объектами, из которых кто-то выбирает. Сайты знакомств нивелируют человеческую личность. Всего за пару-тройку минут ты можешь просмотреть сотни кандидатов, в реальной жизни тебе на это понадобилось бы как минимум год. С ума сойти... Хотя «…Любовь – часть Связующей Пропасти, можно сказать, истинная суть человечности» [6].

Литература

1. Послание к Коринфянам святого апостола Павла. Гл. 13. Стих: 4 – 7.
2. Кондаков И. М. Психология. Иллюстрированный словарь. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Прайм-Еврознак, 2003. 512 с.
3. Митрополит Антоний Сурожский. Таинство любви. Клин: Христианская жизнь, 2005. 129 с.
4. Нанолюбовь: документальный фильм Михаила Прибыловского. 2014. Режим доступа: http://mardoc.ru/-news/nanoljubov_2014/2014-07-10-880
5. Петрушин С. В. Любовь и другие человеческие отношения. Изд. 3-е, испр. СПб.: Речь, 2011. 144 с.
6. Симмонс Д. Эндимион. М.: АСТ, 1998. 608 с.
7. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной феодицеи в 12 письмах. Париж: YMCA – PRESS, 1989. 490 с.
8. Хегай Л. Психоанализ и мистика в XXI в. // Расширение сознания: новые горизонты трансперсональной и юнгианской психологии: III Международная Конференция МААП с участием профессора Гарри Ханта (США), 2009. Режим доступа: http://www.maap.ru/library/book/182/
9. Шабанов Л. В. Трансспектива молодежного вопроса в России: опасные игры в круге Хомы // Изменения в обществе и классический университет: история и современность. Проблемы психологического сопровождения изменений в классическом университете. Томск, 2005. С. 272 – 289.
10. Шестаков В. П. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. М.: Республика, 1999. 464 с.
11. Юнг К. Г. Сознание и бессознательное. М.: Академический проспект, 1998.
12. Smith T. H. Romantic Love // Essays in Philosophy. 2011. Vol. 12. № 1. P. 68 – 92.

Информация об авторах:

Шабанов Лев Викторович – доктор философских наук, кандидат психологических наук, профессор кафедры конфликтологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, lev.shabanov@mail.ru.

Сметанкина Людмила Васильевна – доктор философских наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военной академии связи им. Маршала Советского Союза С. М. Буденного (Санкт-Петербург), lev.shabanov@mail.ru.

Лычагина Светлана Викторовна – кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры общей и прикладной психологии Санкт-Петербургского военного института внутренних войск МВД России, lev.shabanov@mail.ru.

Статья поступила в редколлегию 15.02.2016 г., принята к печати 06.04.2016 г.

THE PHENOMENON OF LOVE IN THE MENTAL REFLECTION OF THE CONTEMPORARY SOCIAL TOPICS

Lev V. Shabanov[1, @1], Lyudmila V. Smetankina[2], Svetlana V. Lychagina[3]

[1] St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions
[2] Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg)
[3] Petersburg Military Institute of the Internal Troops of the MIA of Russia
[@1] lev.shabanov@mail.ru

The purpose of the paper is to consider the modern concept of love (in the framework of the social psychology of the "Man and Woman" relations), reflecting the specificity of scientific approaches in our century. The authors refer to the phenomenon of love in the history of the humanity, which is transformed into a new archetypal reality through global and socio-cultural changes. By method of comparative analysis the authors attempted to trace the dynamics of changes of the rhythm and way of life, reflected in the framework of changes in social relations within the communication space of "male" and "female", the similarities and differences of this. The authors make a conclusion about the archetypes associated with the conversion of love in consummation of external manifestations. Schematically this process looks like the desire for functional infantilisation of generations that extends in the framework of "birth - death – rebirth" through the archetypal theme of "child" and "hero"; however, individuation (narcissism) leads to a loss of subjectity and the updated archetypal theme of "the disabled hero" is compensated in the image of "anti-love".

Keywords: love, individuation, social facilitation, borderlines, objectification, archetype.

For citation: Shabanov L. V., Smetankina L. V., Lychagina S. V. Fenomen liubvi v mental'nom otrazhenii sovremennogo sotsial'nogo prostranstva [The phenomenon of love in the mental reflection of the contemporary social topics]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2016): 146 – 150.

References

1. *Poslanie k Korinfianam sviatogo apostola Pavla* [Corinthians]. 13: 4 – 7.
2. Kondakov I. M. *Psikhologiia* [Psychology]. 2nd ed. Moscow: Praim-Evroznak, 2003, 512.
3. Mitropolit Antonii Surozhskii. *Tainstvo liubvi* [Sacrament of love]. Klin: Khristianskaia zhizn', 2005, 129.
4. *Nanoliubov'* [Nano-Love]. Screenplay by Mikhail Pribylovskii. 2014. Available at: http://mardoc.ru/-news/nanoljubov_2014/2014-07-10-880
5. Petrushin S. V. *Liubov' i drugie chelovecheskie otnosheniia* [Love and other human relationships]. 3th ed. Saint-Petersburg: Rech', 2011, 144.
6. Simmons D. *Endimion*. Moscow: AST, 1998, 608.
7. Florenskii P. *Stolp i utverzhdenie istiny. Opyt pravoslavnoi feoditsei v 12 pis'makh* [The pillar and ground of the truth. The experience of Orthodox theodicee 12 letters]. Parizh: YMCA – PRESS, 1989, 490.
8. Khegai L. Psikhoanaliz i mistika v XXI v. [Psychoanalysis and mysticism in the XXI century]. *Rasshirenie soznaniia: novye gorizonty transpersonal'noi i iungianskoi psikhologii: III Mezhdunarodnaia Konferentsiia MAAP s uchastiem professora Garri Khanta* (*SShA*) [Expansion of consciousness: new horizons transpersonal and Jungian psychology: third international Conference three presumed with the participation of Professor Harry Hunt (USA)]. 2009. Available at: http://www.maap.ru/library/book/182/ (accessed 18.01.2016).
9. Shabanov L. V. Transspektiva molodezhnogo voprosa v Rossii: opasnye igry v kruge Khomy [Transaction of the Youth in Russia: threat of the game in terms of Toma Brute]. *Izmeneniia v obshchestve i klassicheskii universitet: istoriia i sovremennost'. Problemy psikhologicheskogo soprovozhdeniia izmenenii v klassicheskom universitete* [Changes in society and classical University: history and modernity. Problems of psychological support of the changes in classical University]. Tomsk, 2005, 272 – 289.
10. Shestakov V. P. *Eros i kul'tura: filosofiia liubvi i evropeiskoe iskusstvo* [Eros and culture: philosophy of love and European art]. Moscow: Respublika, 1999, 464.
11. Jung K. G. *Soznanie i bessoznatel'noe* [Consciousness and the unconscious]. Moscow: Akademicheskii prospekt, 1998.
12. Smith T. H. Romantic Love. *Essays in Philosophy,* 12, no. 1 (2011): 68 – 92.

Received 15.02.2016, accepted 06.04.2016.